

СЛОВО В ПОНИМАНИИ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИКИ

С. А. Песина

ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

Поступила в редакцию 30 октября 2011 г.

Аннотация: *проблема значения слова относится к наиболее важным и сложным в философии языка. В статье представлены различные подходы к определению сущности слова в когнитивистике и философии языка. Представлен критический обзор публикаций по семантическим теориям. Несмотря на явные различия в представленных подходах, точки соприкосновения в двух направлениях исследований все же имеются.*

Ключевые слова: *философия языка, когнитивная лингвистика, слово, значение, язык и мышление.*

Abstract: *the word meaning problem is treated as the most important and difficult in the philosophy of language. Various approaches to definition of essence of a word in cognitive science and philosophy of language are presented in the article. The critical review of publications on semantic theories is presented. Despite obvious distinctions in the presented approaches, there is much in common in directions of investigations of linguists-cognitologists and philosophers.*

Key words: *philosophy of language, cognitive linguistics, word, meaning, language and thinking.*

В философской литературе проблема значения слова относится к числу наиболее важных, сложных и спорных. Возникнув на стыке семасиологии, логической семантики и теории познания, проблема значения не раз выдвигалась как главная в философии (Л. Виттгенштейн, М. Шлик, К. О. Апель и др.). Однако само выражение «лингвистический поворот» или «поворот философии», фиксирующее переход от спекулятивной системы к позитивистскому методу, в основание которого положен анализ языка, и, в частности, понятий, встречается в первой половине XIX в. и предполагает, что язык становится приоритетным объектом теории познания и коммуникации (Г. Гребер, О. Ф. Группе, К. Герман, Ф. М. Мюллер и др.). Согласно наиболее радикальному взгляду, «вся будущая философия станет исключительно философией языка» [1, с. 45]. Философия языка этого времени утверждала себя, по крайней мере, в двух направлениях: разработка философской теории языка и использование анализа языка для решения вопросов теории познания.

Начиная с 1960-х гг. наблюдаются тенденции отхода сторонников лингвистической философии от ортодоксальной позиции «чистого анализа» и обращения к содержательным философским задачам (П. Стросон и др.). Происходит сближение проблематик и исследовательских подходов линг-

вистической философии и ряда направлений современной лингвистики (прежде всего, в области лингвистической прагматики). Некоторые первоначально выдвинутые в лингвистической философии концепции получают формально-логическую трактовку (например, иллокутивная логика Дж. Серла, навеянная идеями Дж. Остина).

Несмотря на общность интересов, направленных на постижение природы языка и особенностей функционирования его центральной категории – слова (как попытки заглянуть внутрь себя и научно обосновать языковые процессы человека с тем, чтобы глубже понимать мир и правильно в нем ориентироваться), имеются явные несоответствия во взглядах философов языка и лингвистов на основные языковые проблемы. Так, лингвисты полагают, что значение слова основано на семантических признаках, а в качестве когнитивной основы может выступать гештальт, представление, фрейм (или его часть), концепт. Для философов значение имени есть предмет обозначения.

На самом деле в каждом слове содержится, по крайней мере, два вида информации: о самом слове и о мире. Задача философии заключается в описании функций, приписываемых словам, за которыми всегда стоят реальные человеческие потребности. Философия – это «сражение против языковой зашоренности интеллекта» (Л. Виттгенштейн). Философский уровень осмысления слова есть *logos*, лексикологический уровень представления есть *pragma*, а лексикографический уровень – *lexis* [2, с. 20].

Посредством слова индивид не только выделяет объекты, явления и их признаки, но и категоризирует их, а слово является не только средством замещения вещи, концепта, но и структурирует мышление, важнейшими функциями которого выступают обобщение и абстрагирование. Осуществление данных функций позволяет слову являться и средством образования понятия, и формой его выражения, т.е. слово всегда относится не к одному предмету или явлению, а к целому классу объектов, в силу чего каждое слово представляет собой обобщение как словесный акт мысли, отражающий действительность иначе, чем она воспроизводится при непосредственных мыслительных процессах.

Философы считают, что язык – это главный способ нашего доступа к миру, а философский анализ представляет собой описание мира через призму определенного способа мышления и языка. «После Фреге анализ значения и языка выступает по сей день центральной проблемой аналитической философии» [3, с. 11].

Дж. Локк создает классическую для эмпирических типов философии объектную структуру языка. Значение он трактует как чувственный знак, от частого употребления оно легко вызывает идеи. Отсюда, произнося слово, мы не устанавливаем каждый раз соответствие между его значением и реальным объектом. Дж. Локк обращает внимание на то, что возможность произвольного употребления слов в языке приводит к тому, что структура языка в некоторых случаях не соответствует структуре объективной действительности [4]. Этим предположением он пред-

восхитил философские поиски Л. Витгенштейна, Э. Сепира, Б. Уорфа и других сторонников гипотезы лингвистической относительности.

Философские концепции значения слова нередко классифицируют на верификационные (значение есть способ проверки истинности или ложности выражения), операциональные (значение есть совокупность операций, вызванных данным знаком), бихевиористские (значение есть поведение организма под воздействием знака), логико-синтаксические (значение есть класс выражений, эквивалентный данному выражению) и логико-синтаксические [5, с. 24]. Так, Б. Рассел и А. Айер в своих, близких к бихевиоризму, воззрениях соотносили значение с поведением субъекта, а Ч. Пирс отождествлял значение с отношениями между знаками и практическими последствиями употребления знаков. Л. Витгенштейн писал, что значение слова есть его употребление в языке, т.е. это действия, осуществляемые интерпретатором при посредстве знака [6]. Дж. Остин также подчеркивал важность анализа деятельности по формулировке высказываний, понимая под значением то, что говорящий подразумевает своим высказыванием, или хочет, чтобы другие понимали под ним.

По мнению Д. П. Горского, предлагающего синтетико-генетическую концепцию, знаковое выражение имеет смысл, значение и является понимаемым, если по отношению к нему могут быть сформулированы соответствующие правила введения и исключения. Отсюда понимать языковое выражение в научной теории – это значит знать, как оно вводится и как оно исключается [7, с. 60, 81].

Основные точки зрения относительно теорий значения располагаются между двумя полюсами: на одном – референциальная или менталистская, а на другом – натуралистическая или экстерналистическая. Большинство авторов отстаивают их объединение в той или иной пропорции. Критическая дискуссия о значении была предпринята У. Куайном, который провозгласил отказ от этого понятия, поскольку нет критериев его определения. В рамках натуралистического подхода он заменяет термин «значение» термином «значение раздражения». Чтобы узнать нечто о значении языкового выражения, нужно пронаблюдать, какое поведение членов языкового сообщества вызывают сенсорные восприятия соответствующего высказывания.

Ряд исследователей логико-когнитивного направления, в том числе отечественных, истолковывают значение как инвариант информации, передаваемой и сообщаемой знаком (Л. О. Резников, М. В. Попович, И. С. Нарский, К. Шеннон и др.). Так, значение как инвариант информации переносится словесным или несловесным знаками или сочетанием таковых. Значение – это то, что устойчиво сохраняется при преобразованиях информации [5, с. 39]. В таком понимании функционирование знаков и значений может иметь место не только в отношениях между людьми, но и в отношениях человека с машиной и между машинами. Важно уточнить, что под инвариантом понимается не нечто, находящееся где-то за вариантами передаваемой информации, а общая, неизменя-

ющаяся часть этих вариантов. В нашем понимании семантический инвариант – это содержательное ядро полисеманта, та общая неизменная часть всех значений многозначного слова, которая не дает им распасться на омонимы.

С одной стороны, язык выступает в качестве проводника между онтологией и гносеологией, а с другой стороны – как семиозис, т.е. возможная смысловая перспектива, получающая свое воплощение в контексте того или иного индивидуального миропостижения. Язык как семиозис «обеспечивает преемственность смысла и только потом реализует себя в речевых практиках, оживляющих языковые семантические коды». Ключевым звеном между функциональным аспектом языка и традицией выступает творческое человеческое начало, являющееся создателем различных интерпретаций (феномена вещи, ее самости), носящих символический и, в конечном счете, языковой характер, одновременно проясняющее смыслы собственного бытия, суб-бытия [8, с. 121].

Социокогнитивный подход предполагает, что язык существует объективно в речевой деятельности людей как социальный факт и наряду с другими явлениями обеспечивает существование общества, всей духовной культуры. А. Шафф обратил внимание на социальный генезис образования и развития значения: «Значение – это типичное сокращенно-заместительное название, говорящее не о каком-то бытии (материальном или идеальном), которое было бы значением, а о людях, которые приходят к взаимопониманию, используя определенные предметы или события как средства передачи друг другу мыслей об окружающем их мире». Он характеризует значение, во-первых, как отношение или систему отношений между людьми в психологическом плане, во-вторых, как сложную систему межличностных отношений [9, с. 223, 266]. В целом, концепция значения польского философа весьма неопределенна в плане попыток применить ее за пределами области научных значений и вообще отвлеченных терминов.

В работах Э. Гуссерля язык предстает как «тело мысли», как способ видения объектов (ср. у М. Хайдеггера «язык – дом бытия»). Соответственно, значение истолковано им как интенция, т.е. как связь сознания с содержанием. В операциональной концепции в зависимости от смысла слова «операция» значение трактуется как совокупность операций проверки истинности утверждения (действия, составляющие употребление данного знака, приемы, формирующие данное понятие или помогающие другим людям осмыслить выраженное понятием слово). По Ж.-П. Сартру, слово, как и мысль, направлено вовне, оно обладает интенциональностью, поскольку является выражением сознания, а сознание всегда должно быть сознанием чего-то [10, с. 26].

Л. Виттгенштейн, как известно, уподобляя язык совокупности «языковых игр», сравнивает его с ящиком инструментов: сколь различны функции инструментов, столь же по-разному они соотносятся с тем, что они обозначают [11, с. 90]. В результате трактовки значения слова чисто с точки зрения его применения (ср. «смотри на предложение, как на ин-

струмент, а на его смысл, как на его применение» [6, с. 126]), значение знака у Л. Виттгенштейна распадается на бескрайнее море вариантов, имеющих сходство лишь с соседними случаями, да и то небольшое, так что у разных значений «нет ничего общего» в соответствии с концепцией «семейного сходства» [6, с. 31]. Л. Виттгенштейн не уделяет должного внимания различию между действительными фактами удаления разных значений слова друг от друга и случаями, где никакого расхождения нет.

Поздний Л. Виттгенштейн отказывается от своего «Трактата» и от теории дескрипций Б. Рассела, согласно которым значение есть точное описание факта, и значение он определяет как способ употребления слова в языке [11, с. 10]. При этом Л. Виттгенштейн спешит защититься от возможных обвинений в «психологизме», ведущем к субъективному идеализму. Он утверждает, что значение слова является результатом «переживания», оно устанавливается объективно. Но это именно установленная объективность, т. е. способ видения мира, когда объект рассматривается сквозь призму слова. Он не говорит, что слово не связано с объектом, он доказывает, что многие слова в языке не имеют строгого значения и не могут иметь его, если под значением понимать отнесенность к объекту определенным образом. Исходя из этого, Л. Виттгенштейн полагает ошибочной теорию соответствия, лежащую в основе логического анализа языка: «Ошибка, которую мы совершаем, может быть выражена так: мы ищем употребления знака, но мы ищем его, как если бы оно было объектом, сосуществующем со знаком» [12, с. 14]. Заметим, что лидерами «Венского кружка» значение понималось как противоположность абсурду, а также противоположность «псевдозначению», под которым понималась характеристика предложения, не поддающегося проверке фактами, а значит, чуждого науке.

Характеризуя хайдеггеровский подход к осмыслению языка, можно признать, что, осуществляясь сначала в рамках основных структур Dasein, а затем смысла бытия, язык окончательно признавался трансцендентальным условием возможности как первого, так и второго. М. Хайдеггер полагал, что высшим предназначением языка является служить домом бытия: «Бытие всего того, что есть, живет в слове. Поэтому действительно предложение Язык есть дом бытия». Именно в языке можно услышать «тихий голос бытия», где язык – это не только знак, но и тон, звук, ритм, ландшафт, пространство и время, тело и дух, божество и человек. Тот, кто творит язык, выступает одновременно первичным строителем мира, поэтому необходим такой язык, где не было бы места искусственным пространственным и временным формам и даже самому субъекту [13, с. 166]. С этой целью М. Хайдеггер предпринял поиски подлинного языка, существующего лишь в своей мифопоэтической функции, когда он укоренен непосредственно в бытии. Согласно М. Хайдеггеру, значение образуется на базе смысловой подструктуры. Он справедливо полагает, что не слова-вещи (Worterdinge) снабжаются значениями, а к значениям «прирастают» слова. Как справедливо замечает Й. Хеннинг-

фельд, хайдеггеровский вопрос о языке в «Бытии и времени» относится к традиции трансцендентальной философии [14, с. 236].

Если М. Хайдеггер наметил задачу реконструировать генезис языка, исходя из современного его состояния, то Г.-Г. Гадамер, напротив, относился к языку с величайшим почтением. Считая его путеводной нитью, он ни при каких условиях не рекомендовал изменять его: «не изобретать язык, соответствующий новому пониманию, а использовать существующий язык – это кажется мне закономерным требованием» [15, с. 627].

У. Куайн рассматривает язык как форму человеческого поведения, отражая в какой-то степени в своей концепции и «деятельностный» аспект языка, которому уделял особое значение поздний Л. Виттгенштейн. Для У. Куайна значение языковых выражений напрямую связано с поведенческими реакциями людей на «стимуль», возникающие как результат воздействия окружающего мира на наши нервные окончания. Поэтому изучение стимулов является единственным источником фактов относительно значения слов. Отсюда отношение между словом и тем, что оно означает, оказывается опосредованным человеческим поведением, оно не устанавливается «само собой», а формируется в ходе сложного процесса усвоения индивидом языка и лежащей в его основе концептуальной схемы [16, с. 45]. По словам А. Бергсона, «наша мысль изначально связана с действием, именно по форме действия был отлит наш интеллект» [17, с. 75]. «Актуальность нашего восприятия состоит, стало быть, в его активности, в движениях, которые его продолжают, а не в относительно большей интенсивности» [18, с. 199]. Х. фон Ферстер сформулировал этот тезис как императив: «Хочешь познать, научись действовать» [19, с. 60].

Сторонники психологического направления философии полагают, что слово является важнейшим шагом перехода от чувственного познания к рациональному, т.е. важнейшим орудием формирования сознания [20]. Значения сами по себе не порождают мысль, а опосредствуют ее – так же, как орудие не порождает действия, а опосредствует его [21]. Само понятие значения выходит за пределы общения – это и основная когнитивная (познавательная) единица, формирующая образ мира человека и в этом качестве входящая в состав разного рода когнитивных схем, эталонных образов типовых когнитивных ситуаций и т. д. [там же].

В лингвистике слово понимается как мельчайший элемент языка, который может иметь самостоятельное значение или, более полно, основной элемент языка, состоящий из грамматически оформленного комплекса звуков, имеющего относительно самостоятельное значение. Слово репрезентирует отраженный в сознании предмет, отношение к нему и одинаково понимается людьми, говорящими на данном языке. В такой формулировке под «самостоятельным значением», очевидно, следует понимать первое номинативно-непроизводное значение, остальные же неглавные значения являются контекстуальными вариациями на тему первого значения, и поэтому вне контекста их «самостоятельные» значения определить затруднительно. Сомнительным в данном определении является констатирование факта «одинакового понимания людьми» значений слов.

Альтернативная точка зрения заключается в том, что значение каждого слова совершенно релятивно и относится всегда лишь к единичному явлению единичной ситуации, т.е. слова не могут выражать общих понятий. Нет двух идентичных событий, идей, мест или вещей, поэтому не существует ни одного слова, которое понималось бы одинаково разными людьми. Отсюда следует, что словари фиксируют только часть контекстуальных реализаций того или иного слова.

С точки зрения представителей биологической теории познания, значение слова должно осмысляться как событие, перестав быть содержанием языковой формы в прямом смысле, это совпадение во времени состояния тела (нервной системы) и появления соответствующей языковой формы, а затем определение ценности этого события [22]. Трактовка значения как ценности соотносима со значимостями в духе Ф. де Соссюра.

Для когнитивистов слово выступает телом знака для концепта или группы концептов как носитель определенного кванта информации, закрепленного за его оболочкой в акте наречения соответствующего объекта. Одновременно оно выступает как оператор, который при активизации сознания вызывает к жизни цепочку – сколько угодно протяженную – сложных ассоциаций.

Когнитивная лингвистика провозглашает субъективистский подход к проблеме значения слова, который не исчерпывается свойствами обозначаемого, но по необходимости включает то, как говорящий воспринимает и осмысляет соответствующую сущность или ситуацию. В когнитивной семантике значительное место отводится антропоцентрическому фактору – человеку как наблюдателю, «концептуализатору» и «категоризатору», носителю когниции. Ему приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц, а также в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора. Множество значений не будут точно и в полном объеме определены до тех пор, пока за сценой остается такой важнейший фактор, как экспериенцер – человек как субъект восприятия и опыта. Более универсальный подход к языку как знаковой системе должен учитывать человека как «концептуализатора» и мир, который он переживает [23; 24; 25].

На ранних этапах развития слово вплетается в ситуацию, жест, мимику, интонацию и только при этих условиях приобретает новую предметную отнесенность. Для ребенка слово входит в структуру вещи, становясь на некоторое время свойством вещи наряду с другими ее свойствами. Лишь на последующих этапах развития слово приобретает необходимую четкую устойчивую предметную отнесенность, хотя еще может сохранять связь с практическим действием. На данных стадиях наряду с анализирующей и категоризирующей функциями развивается обобщающая функция слова, связанная со значением.

С другой стороны, то, что принято называть значением, однажды в истории языка было когнитивным усилием говорящего выразить свою смысловую, первоначально уникальную позицию. Это явилось творчес-

ким речевым актом. «Лишь в силу бесчисленных повторений и принятия языковым коллективом новорожденное значение становится конвенцией, отчуждается от говорящего и приписывается слову, а затем берется на словарный учет как объективная истина о нем» [26, с. 321].

Очевиден тот факт, что человек не может владеть всем языком, а довольствуется более или менее крупным его фрагментом. Не найдется двух членов языкового сообщества, располагающих абсолютно одинаковым языковым материалом. Общим же для всех обладателей «осколков языка» – конкретных членов языкового сообщества – является то, что они постоянно ориентируются на языковую норму и управляются ею [27, с. 155]. Отсюда понятны трудности, с которыми сталкиваются составители словарей: чрезвычайно сложно дать четкое толкование значения слова, поскольку, чтобы не ошибиться, необходимо учесть множество контекстных случаев реализации данного значения.

Предельным случаем является ситуация, когда слово вбирает в себя все многообразие заключенных в окружающем контексте оттенков значений и становится по своему смыслу как бы эквивалентным всему тексту в целом (это особенно отчетливо проявляется в названиях произведений). Аккумулируя в себе смысл предыдущих и последующих слов, входящих в данный текст, слово значительно расширяет рамки своего значения. В связи с этим К. Д. Ушинский отмечал: «Каждое слово для нас есть то же, что номер книги в библиотеке; под этим номером скрывается целое творение, стоившее нам продолжительного труда в свое время <...> слова, значения которых мы понимаем, делают нас обладателями громадной библиотеки нашей памяти: это произвольные значки, которые мы положили на бесчисленные творения, нами же выработанные» [28, с. 100].

Итак, с лингвистической точки зрения, слово понимается как мельчайший элемент языка, который может иметь самостоятельное значение, состоящий из грамматически оформленного комплекса звуков. В рамках гносеологической теории язык рассматривается как непосредственная действительность мысли и как инструмент познания. В гносеологии значение может определяться как отношение между образом внешнего объекта в сознании и теми последствиями, в том числе мыслительными, которые этот образ (понимаемый не как особая «сущность», а как соответствующий психофизиологический процесс) влечет за собой [29, с. 59]. Следует отметить, что когнитивный подход в лингвистике несколько сблизил цели исследований, проводимых в рамках философии языка и лингвистики, поставив перед ними ряд общих задач, в том числе определение условий, при которых осуществляется «сопряжение» знаний говорящего со знанием его партнера.

В целом, представленные подходы объединяет мысль о том, что именно слова легко и естественно соединяют два типа знаний, два уровня сознания (вербальный и невербальный), выступающие в качестве репрезентантов всей совокупности объектов, о которых идет речь. Мысль, не воплощенная в слове, остается неясной тенью (Л. С. Выготский). Вербальное воплощение мысли является абсолютно необходимым условием

ее развития. С помощью слова мы идентифицируем сознание Другого. Слово заключено в культурную традицию, через слово, через текст сам человек и его сознание включены в национально обусловленную картину мира. Определяющая роль в формировании языковых значений принадлежит человеку как наблюдателю и носителю определенного опыта и знаний. Именно человек (как познающий, так и говорящий на определенном языке) формирует значения, а не воспроизводит их в готовом виде, и именно говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации.

Литература

1. *Muller F. M. Das Denken im Lichte der Sprache / F. M. Muller // Philosophie als Sprachkritik im 19 Jahrhundert. Textauswahl, I. – Bad Cannstadt, 1971.*

2. *Колесов В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002.*

3. *Никоненко С. В. Аналитическая философия : основные концепции / С. В. Никоненко. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.*

4. *Локк Дж. Сочинения : в 2 т. / Дж. Локк. – М. : Прогресс, 1985. – Т. 1.*

5. *Нарский И. С. Проблема значения «значения» в теории познания / И. С. Нарский // Проблема знака и значения. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – С. 5–55.*

6. *Wittgenstein L. Philosophical investigations / L. Wittgenstein. – Oxford, 1958.*

7. *Горский Д. П. Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания / Д. П. Горский // Логическая семантика и модальная логика. – М. : Наука, 1967. – С. 54–83.*

8. *Кребель И. А. Феноменологическое определение языка в перспективе развития философского знания XXI века / И. А. Кребель // Перспективы философии и философского образования в XXI веке : материалы летней философской школы. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2002. – С. 119–123.*

9. *Шафф А. Введение в семантику / А. Шафф. – М. : Иностранная литература, 1963.*

10. *Сартр Ж.-П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2000.*

11. *Виттгенштейн Л. Философские работы. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1.*

12. *Виттгенштейн Л. Голубая книга / Л. Виттгенштейн ; пер. с англ. В. П. Руднева. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999.*

13. *Heidegger M. Was ist Denken? / M. Heidegger. – Tubingen, 1961.*

14. *Henningfeld J. Die Sprachphilosophie des 20. Jahrhunderts. Grundpositionen und Probleme / J. Henningfeld. – Berlin, 1982.*

15. *Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер ; пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988.*

16. *Quine W. V. O. Word and Object / W. V. O. Quine. – Cambridge Mass., 1960.*

17. *Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М. : КАННОН-пресс – Кучково поле, 1998.*

18. Бергсон А. Материя и память // А. Бергсон. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Моск. клуб, 1992. – Т. 1.
19. Ferster H. Von D. Konstruiereneiner Wirklichkeit / H. Ferster // Die Erfundene Wirklichkeit, Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? – München : Papier, 2005.
20. Лурия Ф. Р. Язык и сознание / Ф. Р. Лурия ; под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д : Феникс, 1998.
21. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики : учебник / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997.
22. Песина С. А. Сознание и языковой организм / С. А. Песина // И вновь продолжается бой... : сб. науч. ст., посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – С. 201–206.
23. Langacker R. W. A view of linguistics semantics / R. W. Langacker // Topics in cognitive linguistics / В. Rudska-Ostyn (ed.). – Amsterdam ; Philadelphia, 1988. – P. 49–90.
24. Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода / А. В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37–52.
25. Dirven R. Cognitive exploration of language and linguistics / R. Dirven ; eds. M. Verspoor. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1998.
26. Ривелис Е. Как возможен двуязычный словарь / Е. Ривелис // Doctoral Thesis in Slavic Languages at Stockholm University, Sweden. (= Acta universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 36). – Stockholm, 2007.
27. Вайсгербер И. Л. Родной язык и формирование духа / И. Л. Вайсгербер. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
28. Ушинский К. Д. Русское слово / К. Д. Ушинский. – М. : Учпедгиз, 1956.
29. Абрамян Л. А. Гносеологические проблемы теории знаков / Л. А. Абрамян. – Ереван : Изд-во АН Арм.ССР, 1965.

ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

Песина С. А., доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода

E-mail: flip-dekan@masu.ru

pesin@bk.ru

Тел.: 8 (3519) 35-16-69

Magnitogorsk State University

Pesina S. A., Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty «Linguistics and interpretation»

E-mail: flip-dekan@masu.ru

pesin@bk.ru

Tel.: 8 (3519) 35-16-69